

КУРГАН ДЛЯ ЛУНОЛИКОЙ

Изображение женской фигуры – типичной, воспетой поэтами «восточной женщины» – на резном костяном ларце из раскопок г. Беграма (древ. Каписа). I–III вв. н. э. Рисунок к. и. н. Д. Позднякова (ИАЭТ СО РАН)

ПОЛОСЬМАК Наталья Викторовна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск).

На фото: автор на раскопках 20-го Ноин-Улинского кургана

*«Годы, люди и народы
Убегают навсегда,
Как текучая вода».*

В. Хлебников

Этот кочевой народ до начала XX в. был известен практически только по китайским хроникам. Вплоть до настоящего времени остается дискуссионным вопрос о предках хунну и истоках хуннского этноса.

Согласно китайским летописям уже в середине III тыс. до н.э. хунну успешно грабили приграничные районы китайских царств. Северные царства Китая возвели стены, ограждавшие их от нападений кочевников, которые Цинь Шихуан, первый император объединенного Китая, соединил в единое оборонительное сооружение, известное в Европе как Великая китайская стена.

А на рубеже III–II вв. до н.э. держава хунну – первая кочевая империя Центральной Азии, просуществовавшая более трех столетий, – сравнялась по статусу со знаменитой китайской империей Хань. Однако для западного мира до недавнего времени хунну были интересны лишь как предки гуннов – жестоких завоевателей, захвативших в первой половине нашей эры огромные территории от Волги до Рейна.

«Плоть и кровь» хунны начали обретать лишь в начале XX в., когда в горах Ноин-Улы на севере Монголии были найдены захоронения представителей высшей

Раскоп 20-го кургана из Ноин-Улинского могильника хунну. Северная Монголия, 2006 г.

знати хунну. Миру явились остатки великолепных шелковых тканей и крытых шелком войлочных ковров, изделия из лака и керамика, золотые украшения и серебряная конская упряжь... Мастерски выполненные предметы свидетельствовали не только о жизни самих хунну, но и о тесных связях между древними цивилизациями Востока и Запада.

Сокровища Ноин-Улы

Ставшие впоследствии знаменитыми Ноин-Улинские курганы были случайно открыты в 1912 г. русским техником золотопромышленной компании А. Я. Баллодом. Наиболее успешными оказались археологические раскопки захоронений, проведенные в 1924–1925 гг. экспедицией известного русского исследователя и путешественника П. К. Козлова, которая и установила их принадлежность к хунну.

В 2006 г. совместной российско-монгольской археологической экспедицией был исследован 20-й Ноин-Улинский курган, датируемый последними годами до н. э. – первыми годами н. э. Раскопки продолжались более пяти месяцев, с мая по октябрь: чтобы преодолеть невероятно тяжелый путь до погребальной камеры, расположенной на глубине более 18 м, пришлось разобрать четыре перекрытия из камней и вычерпать тонны воды.

Погребальная камера, сложенная из соснового бруса, оказалось раздавленной и заполненной грунтовыми водами и мелкодисперсной глиной, а саркофаг разбит в щепу. Тем не менее все в камере осталось на своих местах, кроме самого погребенного – курган был ограблен (точнее – осквернен) еще в древности. В основном перекрытии погребальной камеры грабители сделали небольшой проруб, через который вытащили тело (или тела).

Находки оправдали самые смелые ожидания: были найдены остатки китайской колесницы и богатой конской упряжи, вышитые шерстяные и шелковые ткани, лаковая посуда, прекрасно выполненные серебряные и золотые украшения... В войлочном, крытом шерстяной тканью ковре, закрывавшем пол погребальной камеры, скрывался главный сюрприз: семь человеческих зубов нижней челюсти. Вернее, это были не сами зубы, а их хорошо сохранившиеся эмалевые чехлы.

Отмщение мертвым

Почему эта находка оказалась так важна для нас? Одной из проблем археологии хунну является фактически полное отсутствие антропологического материала из захоронений элитного слоя общества в отличие от погребений рядовых хунну. Главной причиной тому было разграбление (осквернение) погребений в древности.

Эти акции вандализма были направлены, в первую очередь, на самого погребенного. Например, из китайских источников известно, что «в царствование шаньюя* Чжао-ди ухуаньцы мало помалу усилились и раскопали могилы хуннских шаньюев в отмщение Модэ» (цит. по: Бичурин, 1950, с. 144).

Осквернители Ноин-Улинских могил преследовали ту же цель – отмщение. Деревянные лаковые саркофаги, в которых находились тела умерших, в этих курганах всегда открыты. Вероятно, тела погребенных (или то, что от них осталось) и находившиеся на них украшения и оружие были вытащены из могил теми, кто знал, зачем, рискуя жизнью, они проникали в это «царство мертвых».

О том, что происходило с останками людей дальше, можно только догадываться. Например, известно, что сами хунну в 70-х гг. II в. до н.э. при заключении договоров с представителями китайского двора пили жертвенную кровь, смешанную с опьяняющим напитком, из чаши, сделанной из черепа вождя юечжей, убитого шаньюем Лаошанем. В борьбе за власть и землю у кочевых народов еще со времен скифов осквернение принадлежавших врагам могил было одним из главных символических деяний победителей.

Этот варварский обычай привел к тому, что в курганах хуннской знати Ноин-Улинского могильника кости погребенных сохранились лишь фрагментарно, и то не во всех курганах. К настоящему времени даже эти скудные антропологические материалы утеряны.

Чужая кровь

Чрезвычайная скудость найденных человеческих останков из погребений хуннской знати привела к тому, что сегодня нам гораздо больше известно об антропологическом типе и физическом облике рядовых членов кочевой империи, чем о тех, кто ими управлял. Фактически, зная по имени не только всех хуннских шаньюев, но зачастую их жен и других родственников, мы совершенно не знаем их «в лицо».

Из письменных китайских источников известно, что держава хунну в период своего расцвета была связана с империей Хань договором «мира и родства», а их правители называли друг друга братьями. Это означало, что китайских принцесс выдавали замуж за

* Шаньюй – верховный правитель хунну. Первым правителем империи хунну был Модэ (Маодунь)

Из погребальной камеры 20-го кургана Ноин-Улинского могильника хунну, расположенной на глубине 18 м, были извлечены многочисленные предметы, сопровождавшие умершего в загробный мир. Среди них – украшения из золота и бирюзы, остатки шелковых и шерстяных одежд

Хунну не раз могли непосредственно контактировать с представителями Римской империи. Известно, например, что римские легионеры под предводительством Красса, потерпевшие поражение в битве при Каррах в 53 г. до н.э. и сдавшиеся парфянам, были отправлены служить на восточную границу Парфии. Часть из них попала в войска шаньюя Чжичжи, вступившего в союз с парфянами. С помощью присланных ему римских легионеров он построил в долине р. Талас лагерь-крепость. Римские пехотинцы, «построенные подобно рыбе чешуе», прикрывали ворота крепости при нападении китайских войск (Dubs, 1957). Однако в этой битве хунну были разбиты, Чжичжи обезглавлен, а судьба оставшихся в живых римских легионеров осталась неизвестной

шаньюев. Всего женами шаньюев стали четыре ханьские принцессы, причем на двух из них женился сам основатель империи хунну Модэ, на двух других – его сын и внук. Хотя последний такой брак был заключен в 135 г. до н.э., известно, что в 33 г. до н.э. Юань-ди, одиннадцатый император династии Хань, пожаловал правителю хуннов пять красавиц из своего гарема. Одна из наложниц стала любимой женой шаньюя и родила ему сыновей.

Встречались и иные ситуации: так, плененный китайский полководец Ли Лин, перешедший на сторону хунну и ставший наместником в «земле Хагяс» (Хакасско-Минусинской котловине) был женат на дочери шаньюя. Эти и многие другие факты свидетельствуют о том, что в жилах элиты хунну текла немалая доля китайской крови.

Влияние ханьского Китая на хунну подкрепляется и многочисленными археологическими свидетельствами. При раскопках курганов хуннской знати находят большое количество китайских вещей, перечень которых практически повторяет известные списки подарков, ежегодно посылаемых империей Хань хунну: колесни-

цы, шелка, шелковая вата, лаковые, золотые и нефритовые изделия, одежда, зерно и т.д. Погребальный обряд хуннской элиты копировал погребальные традиции Хань. При ставке шаньюев было немало советников-китайцев, способствовавших внедрению китайской традиционной культуры и даже письменности в среду кочевников.

Следует заметить, что родственные связи с иноплемениками были характерны не только для элиты, но и для всего хуннского общества в целом. Численность кочевников всегда была намного ниже, чем численность земледельцев, а постоянное участие хунну в военных действиях сокращало и без того немногочисленное население степи. Есть предположение, что у хунну была острая необходимость пополнять свои быстро редуцируемые семьи включением в состав своих родов и племен пленных и перебежчиков. И хотя в данном случае речь идет о китайцах, но среди пленных встречались представители и многих других народов степи и Запада. Известно, что как раз в рассматриваемый период времени (в 3 г. н.э.) Учжюлю-шаньюй подписал с китайским правителем дополнения к договору, по которому хунну не должны были принимать перебегающих к ним китайцев, усуней, жителей Западного края* и ухуаней.

Поэтому было бы неверным рассматривать хунну только в связи с их великим восточным соседом. На протяжении почти всей истории существования кочевого государства хунну стремились так или иначе контролировать торговые пути, соединяющие Китай с Западом. Это стремление, собственно, и было одной из основных

* Западный край – все земли, расположенные западнее Китая. Этот термин также использовался, особенно с I–II вв. н.э., для обозначения небольших государств в бассейне р. Тарим. Дорога через Таримский бассейн, по которой китайцы экспортировали шелк, стала известна как Великий шелковый путь

предпосылок образования хуннской державы (Крадин, 2002). К началу н.э. хунну удалось подчинить своему влиянию весь Западный край и практически отрезать китайцев от прямых торговых путей в западные страны. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что у хунну должны были существовать тесные культурные связи и с представителями западных цивилизаций, вплоть до Римской империи, а в общество хунну были интегрированы не только ханьцы и представители степных племен, но и выходцы из городских цивилизаций Запада. И в жилах хуннской знати текла не одна капля чужой крови.

На этот счет у нас пока имеются только археологические свидетельства – китайцев мало интересовали отношения хунну с его западными соседями, других же письменных источников по этому народу, помимо китайских, не существует. Зато в погребениях знати хуннов наряду с вещами китайского происхождения обнаружены шерстяные ткани, вышитые пологи, великолепные серебряные украшения и другие изделия, изготовленные далеко к западу от монгольских степей.

Зубной «паспорт»

Эмалевые останки семи зубов, обнаруженные в 20-м Ноин-Улинском кургане, – материал более чем скромный. На первый взгляд, он не мог стать источником содержательной информации, позволяющей составить представление об их обладателе, ведь молекулярные палеогенетики определяют пол, возраст и расовую принадлежность погребенного по тканям зубов, которые в данном случае не сохранились. Тем не менее находка оказалась поистине уникальной: оказалось, что морфологические особенности зубных коронок позволяют установить важные антропологические характеристики погребенного (Чикишева и др., 2009).

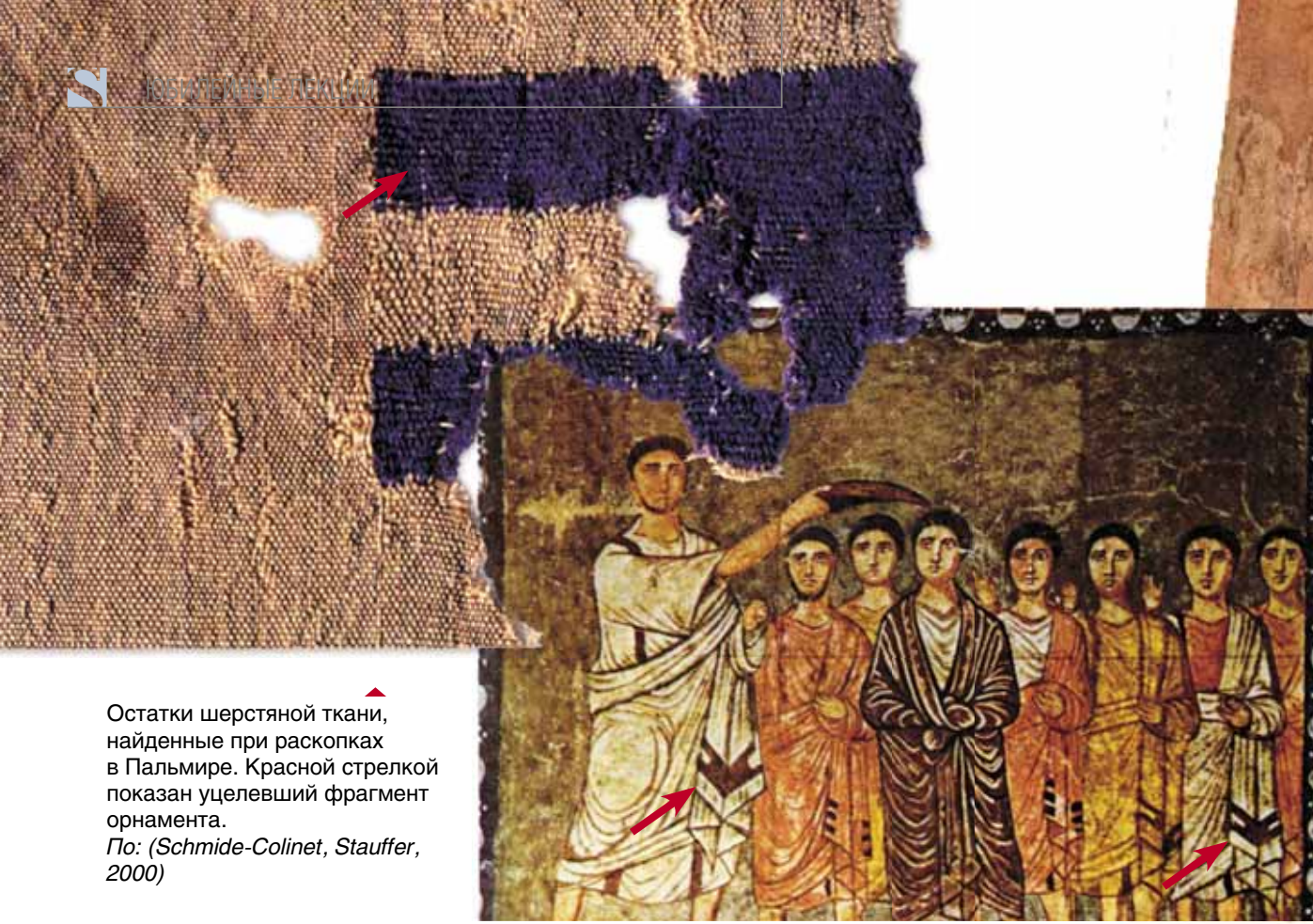
Первый левый премоляр

Антропологический материал из погребения 20-го Ноин-Улинского кургана представляет собой хорошо сохранившиеся эмалевые чехлы от семи нижних зубов постоянной смены: правый и левый клыки, правый и левый первые премоляры, левые первый и второй моляры. На первом левом премоляре обнаружены фасетки искусственной стертости – линейные следы и неглубокие каверны. Такой тип деформации мог появиться при занятиях рукоделием – вышивании либо изготовлении ковров, когда нитки (вероятнее всего, шерстяные) перекусывали зубами

До сих пор в научной литературе доминирует точка зрения, что хунну была свойственна выраженная монголоидность и антропологическая однородность. Однако это противоречит всему, что известно о них по письменным источникам, и не согласуется с историей формирования населения Центральной Азии более древних эпох.

Известные российские антропологи В. П. Алексеев и И. И. Гофман, исследовавшие материал из памятников хунну в Монголии и Забайкалье, отмечали, что «для памятников хунну мы вправе ожидать на любой территории самого разнообразного сочетания антропологических комплексов, поскольку локальные племенные группы населения, столетиями приуроченные к определенным местам обитания, будучи втянуты в орбиту хуннского племенного союза, пришли в движение».

В качестве примера они приводят результаты исследований двух хуннских могильников Монголии – Тебш-Уул и Найма-Толгой: «Палеоантропологический материал первого, расположенного на юге Центральной Монголии, отличается резко выраженными монголоидными особенностями, второго – европеоидными. Если для наглядности прибегнуть к сравнению современного населения, то можно сказать, что люди, оставившие эти памятники, отличались друг от друга, как, скажем, современные якуты и эвенки – от грузин и армян». (Алексеев, Гофман, 1987, с.236–237)

Остатки шерстяной ткани, найденные при раскопках в Пальмире. Красной стрелкой показан уцелевший фрагмент орнамента.
По: (Schmide-Colinet, Stauffer, 2000)

Миропомазание Давида. Стенная роспись синагоги в г. Дура-Европос.
По: (Шлюмберже, 1985). Красными стрелками показан зубчатый орнамент на одеждах, совпадающий по рисунку с уцелевшим фрагментом орнамента на шерстяной ткани, найденной при раскопках в Пальмире

Первое, что выяснилось, – это был не «он», а «она». Об этом, во-первых, свидетельствовала грацильность, т. е. отсутствие массивности зубочелюстного аппарата. Судя по стертости зубов, она была молода – 25–30 лет. Женщина, бесспорно, принадлежала к большой европеоидной расе, а именно к тем ее антропологическим вариантам, которые относятся к южному грацильному одонтологическому типу.

По счастливому стечению обстоятельств, зубы женщины демонстрировали не нейтральные, а важнейшие расодифференцирующие признаки, встречающиеся в популяциях со сравнительно небольшой частотой. Более того, эти признаки связаны в очень редкий комплекс, характерный лишь для нескольких современных этнических групп, живущих в предгорьях и горах вдоль западного побережья Каспийского моря, а также в северных районах Индо-Гангского междуречья. В древности же этот одонтологический комплекс встречался среди населения Прикаспийско-Приаральской области.

Тщательное исследование зубных остатков помогло не только установить этногенетический статус по-

гребенной, но и получить уникальную информацию о самой ее личности.

Специалист в области древних технологий, д. и. н. П. В. Волков (ИАЭТ СО РАН) при микроскопическом обследовании поврежденных поверхностей коронок зубов выявил два типа стертости – повреждения зубной эмали травматического характера. Первый, очевидно, образовался благодаря контакту зубов верхней и нижней челюсти при определенной форме прикуса.

Особый интерес вызвал второй тип стертости, обнаруженный на первом левом премоляре. Зона деформированной поверхности на нем представляет собой уплотненный участок со сглаженной краевой кромкой, на которой прослеживаются линейные следы и неглубокие каверны. Такой тип деформации мог сформироваться при длительном контакте зубной поверхности с каким-то эластичным нитеобразным предметом, загрязненным мелкими частицами.

Судя по археологическим находкам, можно предположить, что постоянным занятием женщины было рукоделие, – вышивание или шитье – в процессе

которого ей приходилось перекусывать нитки. При этом она зажимала нить в зубах и отрывала коротким резким движением с оттяжкой вниз. Нити, скорее всего, были шерстяные, изготовленные прядением, – именно в таких относительно рыхлых нитях могло содержаться много абразивных частиц (скорее всего, песка).

Парфянские корни

Так откуда же была молодая женщина, похороненная на рубеже нашей эры на севере Монголии в укромной пади поросших лесом гор Ноин-Улы?

Судя по политической и культурной ситуации в этот исторический период, территории, на которой проживало население, обладающее теми же одонтологическими признаками, что и погребенная, входили в состав или находились под влиянием Парфии*. Эти территории включали в том числе и Северо-Западную Индию, где в начале I в. н. э. возникло крупное государство Гандхара**, недолгое время подчинявшееся парфянам.

Выходцы из Северо-Западной Индии и Кашмира с древности заселялись в южные оазисы Восточного

Ткань из 20-го Ноин-Улинского кургана, которая покрывала войлочный ковер и была простегана шерстяными шнурами, имеет аналоги среди фрагментов тканей, обнаруженных при раскопках на территории Парфии, например в Пальмире.

Все ткани отличаются характерным орнаментом в виде мерлонов (зубцов). Этот же орнамент встречается и на туниках мужчин, изображенных на фресках в синагоге в Дура-Европосе – городе, до середины II в. н. э. находившемся под властью парфян

◀ Шерстяной ковер, простеганный спиральным орнаментом, из погребальной камеры 20-го Ноин-Улинского кургана. На покрывающей ковер ткани – светлый зубчатый орнамент (мерлон) – показан красной стрелкой

Туркестана, образуя многолюдные индийские общины. Именно это население на рубеже нашей эры было проводником докушанской парфянской культуры Гандхары в глубь Центральной Азии. Кроме того, индийское население сделало буддизм господствующей религией оазисов Восточного Туркестана, поглотившей почти без остатка местные верования (Воробьева-Десятовская, 1992).

Можно с большой долей уверенности утверждать, что женщина, останки которой были обнаружены в 20-м Ноин-Улинском кургане, была индийской представительницей парфянской культуры; возможно – из Восточного Туркестана.

* Парфянское царство – древнее государство, возникшее около 250 г. до н. э. к югу и юго-востоку от Каспийского моря и подчинившее к середине I в. до н. э. обширные области от Месопотамии до границ Индии

** Гандхара – древнее название области на северо-западе Пакистана, во II в. до н. э. – I в. н. э. входившей в состав Сако-Парфянского царства, а с I в. н. э. – Кушанского царства

Такое предположение подкрепляется находками в этом погребении шерстяного текстиля парфянского производства. К нему, в первую очередь, относится шерстяная ткань темно-бордового цвета с вытканым на ней характерным орнаментом в виде мерлонов (зубцов), которой был простеган войлочный ковер на полу погребальной камеры. Аналоги ей можно найти среди многочисленных фрагментов шерстяных тканей, обнаруженных при раскопках на территории Парфии, например в Пальмире, (Schmid-Colinet, Stauffer, 2000); в знаменитой палестинской Пещере писем (Yadin, 1963). А на фресках в синагоге в Дура-Европосе – городе на среднем Евфрате, также до 165 н. э. находившемся под властью Парфянского царства – изображены мужчины в туниках, сшитых из подобной ткани (Шлюмберже, 1985). Кроме того, парфянскими, на наш взгляд, можно считать вышитые шерстяными нитками завесы с изображением пока еще не расшифрованных сцен.

Появляются свидетельства и того, что хунну знали о буддизме, вероятно, от тех же жителей Восточного Туркестана. Поэтому у них в обиходе могли появляться предметы, связанные с буддийским культом, такие, например, как золотой идол, отбитый у хунну китайцами (Бичурин, 1950), или обнаруженные в Ноин-Улинских курганах шелковые флажки, обшитые рядами треугольных фестонов (Руденко, 1962), подобные тем, что по сей день составляют убранство буддийских храмов.

В 20-м Ноин-Улинском кургане был найден один предмет, присутствие которого в данном погребении столь же необычно, как и присутствие самой молодой женщины – серебряная античная бляха. Без сомнения, у нее есть своя удивительная история: прежде чем попасть на дно 18-метровой могилы в самом центре Азии, она должна была сменить много хозяев, один из

Изображение античной богини на серебряной бляхе из 20-го Ноин-Улинского кургана

которых придал античной богине буддийский облик, изобразив на ее лбу тигру. Может быть, судьба молодой женщины и этой вещи как-то связаны? Ведь обе они пришли с Запада...

Ее лицо – сама Луна

Каким образом судьба занесла молодую индийскую женщину в монгольские степи, к хунну? Может быть, главную роль в этом сыграла необычная красота, присущая женщинам этого этнического типа?

Комплекс антропологических признаков для населения Северной Индии един: темная кожа, невысокий рост, удлинённая голова, узкое лицо с тонким, умеренно выступающим носом с резко очерченными крыльями, полные губы... А вот как сухое антропологическое описание трансформируется в поэтическую речь «Махабхараты»: «Сияние ее мягких и вьющихся волос, украшенных множеством прекрасных цветов, и движение ее бровей чарующе. Когда она молвит, кажется, что ее лицо – сама Луна. Звуки, исходящие из ее уст, сладки. <...> Ее красота усиливается кокетством, влюбленностью и радостью, как будто она выпила одурманивающий напиток» (Meuser, 1915).

Представление об облике индийской женщины могут дать древние изображения из Беграма – города в 60 км от Кабула, существовавшего в рамках разных государственных образований со II в. до н.э. до IV в. н.э. Там при раскопках были найдены костяные обкладки деревянной мебели и ларцов, на которых местными мастерами были нанесены искусные графические рисунки, изображающие сцены из жизни восточной женщины: «Чувственное и целомудренное начала предстают здесь во всей специфике, которую создал вокруг прекрасного обнаженного тела индуизированный Восток» (Пугаченкова, 1963, с. 30).

Расшитая шерстяная завеса из 20-го Ноин-Улинского кургана

Кем была эта индийская красавица – женой высокопоставленного хунну, для которой и был сооружен этот курган, или она только сопровождала умершего шаньюя? При определении статуса молодой женщины, чьи останки найдены в 20-м Ноин-Улинском кургане, нужно учитывать и психологию кочевников. Хотя скотоводческие культуры и представляются традиционно как мир мужчин, где сам образ жизни и основные занятия отводят мужчине центральную роль, тем не менее именно женщины были для кочевников основным мерилом богатства и счастья (Головнев, 2009).

Кроме того, в кочевых обществах скотоводов женщины были фактически уравнены в правах с мужчинами, а доля их участия в хозяйственной деятельности значительно превышала трудовой вклад мужчин. Как следствие – женские погребения, например, пазырыкской культуры отличались от мужских в основном лишь отсутствием оружия и специфическим набором украшений. При этом, судя по богатству погребений, многие пазырыкские женщины являлись носителями высокого социального статуса (Полосьмак, 2001).

То же можно сказать и о женщинах хунну. Многие женские погребения выделяются отнюдь не рядовым составом инвентаря, среди которого встречаются и прекрасной работы поясные бляхи, и другие ценные украшения, а также предметы вооружения. Известно, что женщины хунну отличались выдающейся храбростью, но в то же время китайцы отмечали, что «женщины у сюнну не выполняют такого труда, как создание прекрасных вышитых узоров и предметов роскоши, требующих необыкновенного умения...» (Хуань Куань, 2001, с.167). Может быть, этот «недостаток» хуннских женщин должны были компенсировать искусные в рукоделие чужеземки?

Находки из 20-го Ноин-Улинского кургана дают основания предположить, что на рубеже эр при ставке хуннских шаньюев могли находиться мастерицы-вышивальщицы индийского происхождения из южных оазисов Восточного Туркестана. Они на месте создавали по парфянским образцам великолепные вышитые завесы, большие фрагменты которых и были обнаружены в кургане. Остатки парфянских тканей были найдены также в 25-м и 6-м Ноин-Улинских курганах экспедицией Козлова (Руденко, 1962). Однако не исключено, что эти завесы были подарками, которые хунну получали от парфян в обмен на возможность иметь китайский шелк, или просто частью добычи от грабежа караванов. Такой же «добычей» могла быть и сама мастерица...

Разобраться в судьбе молодой женщины, погребенной в 20-м Ноин-Улинском кургане, помогут дальнейшие исследования, основанные на всестороннем междисциплинарном изучении всего комплекса курганных находок. Не исключено, что ответ на вопрос – кому все же принадлежал этот уникальный курган? – кроется среди самого погребального инвентаря и предметов, сопровождавших погребенного.

Обнаруженные в погребении останки зубов переданы для изучения в лабораторию молекулярной палеогенетики Института цитологии и генетики СО РАН, туда же переданы и волосы, найденные в кургане. Может быть, исследователям удастся получить новую информацию, которая позволит проверить выдвинутые нами предположения.

Но кем бы ни оказалась женщина, похороненная на рубеже эр в кургане на севере Монголии, ее жизнь стала еще одной страничкой Истории, вернувшейся из небытия.

Литература

Бичурин Н.Я. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена.* – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т.1.

Гумилев Л.Н. *История народа хунну.* – М.: Институт ДИ-ДИК, 1998. – 448 с.

Зубов А.А., Халдеева Н.И. *Одонтология в антропофенетике.* – М.: Наука, 1993. – 224 с.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д., Эрденэ-Очир Н. *Изучение погребального сооружения кургана 20 в Ноин-Уле (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии.* – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – № 2 (34). – С. 77–87.

Руденко С.И. *Культура хуннов и Ноин-Улинские курганы.* – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 206 с.

